

The background image is a photograph of a long, empty library corridor. On the right side, there are tall, dark wooden bookshelves filled with books. The shelves are arranged in a perspective that leads the eye towards the end of the corridor. In the distance, a white statue is visible on a pedestal. The floor is made of light-colored stone tiles. The lighting is warm and soft, creating a quiet and scholarly atmosphere.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Коллектив авторов

**Теория и история
политических институтов**

«Санкт-Петербургский государственный университет»

2014

УДК 321
ББК 66.0

Коллектив авторов

Теория и история политических институтов / Коллектив авторов — «Санкт-Петербургский государственный университет», 2014

ISBN 978-5-288-05535-5

В учебнике рассмотрены вопросы теории и практики становления и развития политических институтов с позиции неoinституционализма. Большое внимание уделено вопросам генезиса и основным этапам эволюции государства, проблемам взаимодействия основных политических институтов и гражданского общества, надгосударственным политическим образованиям. Предложен сравнительный анализ классического институционализма и актуальных форм современного неoinституционализма. В учебнике в концентрированном виде представлена информация об основных научных дискуссиях, касающихся основных политических институтов, а также о формальных и неформальных практиках функционирования этих структур. Учебник предназначен для студентов, обучающихся по программе «бакалавриат» по направлениям «политология», «социология», «конфликтология», «международные отношения». Он может быть полезен также для магистрантов и аспирантов обществоведческих направлений, а также для самообразования всех интересующихся политическими проблемами и развитием политической науки.

УДК 321

ББК 66.0

ISBN 978-5-288-05535-5

© Коллектив авторов, 2014

© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2014

Содержание

Предисловие	7
Глава 1. Генезис и основные этапы исторической эволюции государства и общества	9
1.1. От потестарных структур к государственным институтам	10
1.2. Исторические формы государства: современные типологии и направления развития	15
1.3. Динамика правовых систем и генезис правового государства	24
1.4. От «религиозного государства» к секуляризированным политическим институтам: исторические дилеммы модерна	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Теория и история политических институтов

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2014

* * *

Предисловие

Учебник для бакалавров «Теория и история политических институтов» написан на основе нескольких учебных курсов, которые в течение многих лет читаются студентам факультета политологии СПбГУ. Данный учебник может быть основным источником для подготовки бакалавров-политологов по учебному курсу «Теория и история политических институтов». Кроме того, в качестве дополнительного источника учебник может быть рекомендован по учебному курсу, посвященному международным политическим институтам, и ряду спецкурсов. Учебник представляет интерес для некоторых тем курса «История политических учений».

В учебнике представлены разделы, связанные с теорией, методологией, историей, практикой и эффектами функционирования институтов власти и институтов участия как на национальном, так и на международном уровнях. Ограниченный объем издания не позволил охватить все без исключения политические институты и методологические подходы их анализа. В исследованиях политических институтов сохраняются традиционные методологические подходы – формальный и эссенциалистский. Ученые продолжают использовать различные исследовательские стратегии – холизм и методологический индивидуализм. К анализу политических институтов можно применять, наряду с собственно политологическим подходом, социологический и экономический подходы. Но явным трендом последних десятилетий в исследовании политических институтов является использование методологии неoinституционализма.

Особое внимание уделено методологическим аспектам исследования институтов в рамках некоторых форм неoinституционализма, хотя обычно в российских учебниках для бакалавров эти аспекты не рассматриваются. Поскольку новый институционализм акцентирует вопрос о том, как институты влияют на поведение индивидов, то в учебник включены институты гражданского/политического участия. Описание теорий, политических институтов и институциональных формальных и неформальных практик дано в сравнительном аспекте с включением материалов по истории институтов. Неoinституционализм не отвергает принципы собственно институционализма (описание структуры, функций, моделей, типологий организаций, взаимодействий одних институтов с другими), но предполагает помимо указанных моментов описание результатов функционирования институтов, фоновых явлений, связанных с политическими практиками, деятельностью людей, не включенных в эти структуры, и т. д. Некоторые институты взаимодействия государства и социума рассматриваются под углом их роли в политическом процессе (институты политического лоббизма, политического участия).

В отличие от большинства учебников, где информация дается в нормативном ключе с единственно возможными выводами, в данном издании большое внимание уделено изложению различных точек зрения на ту или иную проблему. В некоторых случаях акцентируется отличие теоретических моделей от реальной политической практики функционирования политических институтов. В ходе изучения общего курса студенты должны освоить понятийно-категориальный аппарат, теорию и принципы изучения политических институтов, уметь анализировать социально-политические процессы и институты современных государств и международных организаций, выявлять причинно-следственные связи их функционирования и развития.

К сожалению, ограничение объема учебника не позволило включить ряд значимых тем, связанных, например, с институтами безопасности. Кроме того, проблемы политической системы, поскольку они традиционно рассматриваются в парадигме классического институционализма, также не были включены в данное издание.

Авторы благодарят декана факультета политологии СПбГУ, д-ра экон. наук, проф. С. Г. Еремеева за активную поддержку инициативы подготовки коллективного учебника для

курса «Теория и история политических институтов», а также рецензентов – д-ра полит. наук, проф. И. В. Радикова и д-ра юрид. наук, проф. О. И. Зазнаева – за неоценимую помощь, советы и рекомендации, полученные от них при работе над этим учебным изданием.

Авторский коллектив выражает глубочайшую признательность сотрудникам издательства, принявшим участие в подготовке учебника к печати, за высочайший профессионализм и четкость в организации работы, а также исключительную корректность и доброжелательное отношение.

Глава 1. Генезис и основные этапы исторической эволюции государства и общества

В главе представлен процесс формирования раннегосударственных структур в древне-восточных цивилизациях и в эпоху классической античности. Проанализированы современные дискуссии вокруг специфики «вождистских» протогосударств. Показана эволюция европейских правовых институтов в контексте формирования идеи правового государства. Дана оценка феномену обычного права и истории возникновения и распространения всеобщего государственного законодательства. Рассмотрено влияние институционального дуализма церкви и государства на развитие дискуссии о сущности верховной власти и ее границах, приемлемой форме взаимоотношений между традиционными политическими институтами. Дан обзор научных дискуссий о соотношении демократии и конституционализма.

Ключевые слова: *Раннее государство, чифдом, потестарные отношения, политогенез, естественное государство, государство открытого доступа, правовое государство, гражданское право, римское право, демократия, конституционализм, церковь, религия, католицизм, протестантизм, идеологический дискурс.*

В результате освоения данной главы студент должен:

знать структурные особенности феномена государства, характер и основные направления его эволюции, роль исторического опыта формирования государств, сущность современных дискуссий о соотношении общества и государства;

уметь понимать специфику истории политических институтов со своими методологическими принципами и понятийным аппаратом, понимать тенденции эволюции глобального исторического процесса смены различных цивилизаций;

владеть навыками самостоятельного анализа базовых политологических подходов к изучению государства, политических институтов, демократии и конституционализма.

1.1. От потестарных структур к государственным институтам

При нынешнем состоянии общественных наук можно лишь приблизительно выявить рубеж, после которого в процессе политогенеза характерные для дописменных обществ институты, развивавшиеся на протяжении многих тысячелетий, постепенно приобретают новую форму – раннее государство. Таким рубежом является неолитическая революция, происходившая около 10 тыс. лет назад и создавшая такие элементы цивилизации, как производительное (ирригационное) сельское хозяйство, урбанизация, письменность и др. Возникновение государства – одно из главных признаков вступления человечества в цивилизационную стадию развития.

Понятие «политогенез», используемое вместо понятия «процесс формирования государства», предполагает глубокую преемственность ранних государств с предшествующими *политическими* институтами первобытного общества и позволяет понять, что феномен политики исторически является более древним по происхождению и многообразным по форме в сравнении с феноменом государственности. Это положение, обоснованное в труде К. Мейера «Открытие греками политики», фиксирует внимание на том, что с возникновением демократии в древних Афинах и других греческих полисах оформляется и феномен *современной* политики, постепенно распространившийся в цивилизованных государствах [Meier, 1990].

Анализ возникших задолго до классической полисной культуры типов политики и государственности в методологическом плане должен вписываться в общенаучные универсальные определения. Английский философ М. Оукшотт отмечал: «Политикой я называю деятельность, направленную на выполнение общих установлений группы людей, которых объединил случай или выбор» [Oakeshott, 1962, p. 112]. Г. Лассуэлл утверждал, что политика отвечает на вопросы: «Кто приобретает, что, когда и как?» [Lasswell, 1958], а редакторы издания «Политическая наука: новые направления» (1999) Р. Гудин и Х.-Д. Клингеманн определяют политику как *ограниченное применение социальной власти* [Политическая наука, 1999, с. 33].

Американские политологи Р. Даль и Б. Стинбрикнер в «Современном политическом анализе» комментируют лапидарность определения политики как «осуществление влияния» («*the exercise of influence*»): «Если кто-либо (i) принимает мнение Аристотеля, что политика по своему внутреннему свойству воплощает стремление к общественному благу и (ii) верит, что такие лидеры, как Адольф Гитлер и Иосиф Сталин, руководствовались иными целями в сравнении с теми, которые большинство порядочных людей рассматривает как общественное благо, тогда из этого логически следует, что деятельность Гитлера, Сталина и современных диктаторов *не является* политической. В противоположность этому, при условии, что политика приравнивается к осуществлению влияния, деятельность Гитлера, Сталина и современных диктаторов, сколь бы подлой мы ее не считали, отчетливо вписывается в политическую сферу и как таковая является вполне подходящим объектом для политического анализа, равно как и деятельность современных диктаторски настроенных лидеров, жестоко третирующих (*who brutalize*) собственных граждан. Приравнивание политики к осуществлению влияния делает ее виртуально вездесущей в человеческих отношениях» [Dahl, Stinebrickner, 2010, p. 25–26]. Если признать, что именно «вездесущность» является главным отличием современной политики от ее проявлений в первобытную эпоху и на заре человеческой цивилизации, это не лишает политику универсальных свойств, поскольку в историческом континууме с эпохи неолитической революции «брутальные личности» с диктаторскими наклонностями появлялись чаще индивидов, стремящихся к общественному благу.

Теория государства включает теорию политики и теорию правительства. Первая должна объяснять распределение и использование власти, насилия и принуждения внутри общества,

вторая – структуру правительственного аппарата и поведение чиновников и иных служащих государства. Поскольку исторический опыт свидетельствует о том, что власть, насилие и принуждение возникают в предшествовавшие формированию ранних государств эпохи, их распределение и использование должно соотноситься с *догосударственными* структурами социального регулирования.

На основе таких доводов Р. Даль и Б. Стинбрикнер характеризуют *правительство* (*the government*) как «совокупность ведомств (*collection of offices*) в политической системе» [Ibid, p. 29]. Сами «ведомства» представляют объединение «ролей», «играемых лицами, которые создают, интерпретируют и проводят в жизнь правила, связывающие членов политической системы». «Принимая некоторые пояснения Макса Вебера и основываясь до определенной степени на том, что говорил Аристотель, мы можем утверждать, что *правительством* является любое правление, которое успешно поддерживает требование на исключительное регулирование легитимного использования физической силы при проведении в жизнь собственных правил на данной территории. Соединение постоянных жителей этой территориальной области и ее правительства называется *государством*» [Ibid, p. 31].

Предлагаемые современными учеными определения и методология анализа социальных порядков и систем политических отношений позволяют выявлять адекватность имеющихся в научной литературе определений раннего государства и предшествующих ему политических форм и попытаться установить, на какой стадии исторического развития социальные отношения (интеракции) приобретают политический характер. Й. Хейзинга отмечал: «Политика всеми своими корнями глубоко уходит в первобытную почву состязательно-игровой культуры. Отделиться от нее и возвыситься она может только через этос, который отрицает законность отношения “друг – враг” и не принимает притязаний собственного народа в качестве высшей нормы» [Хейзинга, 1992, с. 238]. Дж. Фрэзер утверждал, что «основные институты нашего общества по большей части (если не все) уходят корнями в дикое государство и были переданы нам с видоизменениями скорее внешними, чем внутренними» [Frazer, 1905, p. 2–3]. Родственные идеи есть в работе французского историка Ф. де Куланжа «Древний город»: «К счастью, прошлое никогда не исчезает полностью. Человек может забыть его, но оно остается в нем, поскольку в любую эпоху человек является результатом, воплощением всех предшествующих эпох. Если он заглянет в свою душу, то сможет найти там эти различные эпохи, каждая из которых оставила в его душе свой след» [Куланж, 2010, с. 10].

Термин «дикое государство» использовался Дж. Фрэзером для того, чтобы выявить преемственность политических норм и институциональных порядков, сложившихся в дописьменный период, с традициями современной государственности. Сложность дописьменных институтов органично охарактеризована К. Леви-Строссом в работе «Структурная антропология»: «В сфере социальной организации эти так называемые первобытные племена создавали поразительно сложные системы: экзогамные “половины”, пересекающиеся со спортивными или церемониальными “половинами”, тайные союзы, мужские объединения и возрастные группы. Подобные структуры обычно встречаются на гораздо более высоких уровнях культуры» [Леви-Стросс, 1985, с. 95].

Историки отмечают, что в ранних земледельческих общинах появляются личности, с успехом претендующие на роль выборных политических лидеров и администраторов. Эта тенденция прослеживается на примере папуасов Меланезии. В экзогамных, практикующих многоженство земледельческих общинах папуасов, насчитывавших в среднем 20–40 человек, существовало заметное неравенство между отдельными группами: главы более зажиточных групп, имевшие возможность покупать себе по несколько жен и тем самым приумножать личное богатство, путем щедрой раздачи мяса заколотых животных своим соплеменникам становились «большими людьми» (*биг-мэн* – в описаниях этнографов). «Папуасский биг-мэн, – отмечает Л. С. Васильев, – своего рода кандидат в политические администраторы, в лидеры-старей-

шины общины, причем право стать им он доказывает в привычных традиционных понятиях реципрокности. Следующий шаг – появление общепризнанного и авторитетного общинного лидера... Они обычно избирались: от личных качеств и компетенции вождя зависело многое, так что мнение должно было быть единодушным. В процессе выборов ведущую роль играли старшие, прежде всего главы семейных групп. Такой была... процедура избрания вождей у навахо» [Васильев, 1983, с. 21].

Только на следующей ступени выявляются основные политические элементы, которые в дальнейшем будут присущи ранним государствам. Такой ступенью эволюции стали *вождества, чифдом* (от английского слова *chief* – вождь). В них формируются основные элементы и традиции управления, характерные для ранних деспотических государств Ближнего и Дальнего Востока. Вождества, фигурирующие в исторической литературе и под другими названиями – «племена с правителями» [Кревельд, 2006, с. 26–33], «первичные протогосударства, или простые государства», «племенные протогосударства» [Васильев, 1991, с. 58], возникли в самых различных уголках мира. К их числу относятся многие общества Юго-Восточной, Западной и Южной Африки, Юго-Восточной Азии, Полинезии, Гавайских островов и Новой Зеландии. К ним нередко относят племена, вторгшиеся на Балканы и разрушившие микенскую цивилизацию в период «дорийского завоевания» и так называемых «темных веков» (между 1000 и 750 гг. до н. э.), германские племена, вторгшиеся в Римскую империю в V–VI вв. до н. э., скандинавские племена в X в. н. э. до их обращения в христианство.

Протогосударство-вождество – это «политическая структура, основанная на нормах генеалогического родства, знакомая с социальным и имущественным неравенством, разделением труда и обменом деятельностью, возглавляемая сакрализованным правителем с наследственной властью. Главной функцией этой структуры является административно-экономическая, отражающая объективные потребности усложняющегося общества. Структура знакома и с иными важными социальными функциями – с военной, медиативной (судебно-посреднической), интегрирующей и т. п.» [Там же, с. 65]. Основная масса чифдом представляла собой вторичные образования, отличаясь более сложной структурой по сравнению с первичными (простыми), которые возникали не только в глубокой древности (древнейшие номы Египта, шумерские храмовые центры), но и в современных замкнутых анклавах островов Полинезии в виде территориально-кустовой системы иерархически соподчиненных общин во главе с иерархически ранжированными лидерами. «Укрупненная система мелких первичных протогосударств – это сложное или составное протогосударство, имеющее иерархическую внутреннюю структуру и знакомое с определенным количеством оторванных от сельскохозяйственного производства групп администраторов, жрецов и обслуживающего верхи персонала (слуги, рабы, ремесленники)... Администраторы – это общинная выборная верхушка; воины – это группа профессионалов-дружинников, всегда готовая повести за собой всех остальных, способных носить оружие» [Там же, с. 63].

В книге историка М. ван Кревельда «Расцвет и упадок государства» представлен список инноваций, привнесенных вождествами в социально-политическую жизнь различных регионов мира: введение «нового, революционного принципа правления», не основанного на кровных узах и позволившего сильнейшим из вождей «установить обезличенное управление» и достичь значительного прироста населения, результатом которого стало разделение труда между производственными группами (земледельцы, пастухи, рыбаки) и появление «специалистов», непосредственно не связанных с производством, таких как торговцы и жрецы [Кревельд, 2006, с. 26–33]. Поворотным моментом в политическом управлении являлся отказ представителей высшего класса от физического труда (которым прежде не пренебрегали гомеровский Одиссей и другие цари эпохи Троянской войны). Увеличению могущества вождей и даже превращению их в настоящих монархов (западно-африканский Дагомей и южно-африканский Зулу в XIX в. и др.) способствовало их окружение многочисленными религиозными запре-

тами (табу), за соблюдением которых следили специальные коллегии жрецов. Расширение территории в результате постоянного соперничества между военными лидерами нередко приводило к формированию властной пирамиды, на вершине которой находился верховный вождь, обладавший наследственной властью и опиравшийся на подчиненных региональных вождей-наместников, как правило, связанных с ним узами родства.

Вожества стали первыми политическими объединениями, которые ввели ренту, дань и налоги, способствуя тем самым концентрации богатств в руках правящего меньшинства. «Опираясь на силу или угрозу применения силы, вождества были в состоянии ввести иерархию вместо равенства, постоянную власть вместо временного лидерства, обложение вместо получения более или менее добровольных подношений и правосудие, часто усиленное жестокими наказаниями... Вдобавок к участию вождей и их подчиненных в обычных актах кровной мести, набегах и рейдах, приносящих добычу, вождества принесли такие явления, как завоевания, покорение земель и господство одной группы над другой» [Там же, с. 29]. Серьезным историческим дефектом вождеств как политических объединений была их недолговечность: соперничество многочисленных кандидатов на престол, постоянно возникавшие после смерти вождей внутренние войны, стремление наместников к отделению, угрозы вторжения соседей и завоевателей значительно сокращали время их существования.

Даваемые ван Кревельдом характеристики вождеств свидетельствуют о том, что они содержат основные элементы, обеспечившие трансформацию некоторых из них в более сложные политические структуры. «Раннее государство, как и протогосударство-чифдом, – лишь переходные этапы единого общего процесса становления государства... Подавляющее большинство известных истории докапиталистических структур далее этого этапа в своем развитии не шло... в немалом количестве случаев история фиксирует цикличное и даже регрессивное политическое развитие, результатом которого было возвращение более развитых структур к их более примитивным модификациям» [Васильев, 1983, с. 50]. В древности длительное время вождества могли с успехом выступать постоянными соперниками самых могущественных государств, включая Рим. Например, галльские и британские племена долгое время сопротивлялись римской агрессии. Окончательно завоевать Галлию удалось благодаря военному гению Гая Юлия Цезаря, а Британию римлянам удалось частично покорить только в эпоху империи, но для этого им потребовалось прибегнуть к геноциду и тактике «выжженной земли».

Приведенные выше доводы связаны с особой ситуацией отражения агрессии. Они не подтверждают правомерность гипотезы немецкого социолога Ф. Оппенгеймера, стремившегося в начале XX в. доказать, что именно война способствовала формированию вождеств. В современной науке превалирует точка зрения, что особая, стимулирующая роль войн (особенно завоевательных) проявляет себя уже в период формирования ранних государств. На стадии формирования чифдом военные действия играли скорее вспомогательную роль, а «основа... сводилась к соперничеству лидеров более или менее мирными средствами. Истоки такого соперничества, восходившие... к жажде престижа, авторитета, были своего рода психологическо-поведенческим стереотипом, опиравшимся на престижную экономику с ее реципрокными раздачами и централизованной редистрибуцией. Отдавая, лидер получал; получая, стремился ко все большему, для чего нужно было опять-таки суметь много отдать. Но где это взять?» [Васильев, 1983, с. 51].

Именно вождества впервые весьма наглядно демонстрируют тенденцию, которая проявится на государственной стадии развития. Т. Веблен писал о ней в работе «Теория праздного класса»: «Материальное потребление дает силу стимулу, от которого неизменным образом происходит накопление... Обладание богатством наделяет человека почетом, почет выделяет людей и делает их объектом зависти» [Веблен, 1984, с. 76]. Тенденция подтверждает и гипотезу французского философа Ж. Бодрийяра, выдвинутую в работе «К критике политической экономии знака»: «Дело в том, что сам труд появился в качестве производительной силы лишь

тогда, когда социальный порядок (структура привилегий и господства) стал нуждаться в нем для собственного выживания, не имея более возможности подкрепляться только лишь властью, основанной на личных иерархических отношениях. Эксплуатация посредством труда – это вынужденный шаг социального порядка... если бы для порядка производства существовало какое-нибудь средство обеспечить выживание индивида в предыдущей форме, т. е. форме грубой эксплуатации, никогда никакие потребности не появились бы» [Бодрийяр, 2007, с. 100].

Политические и экономические предпосылки, сформировавшие характерный для чифдом потестарный комплекс, делали неизбежными и соответствующий «идеологический сдвиг», проявившийся в сакрализации власти племенных вождей, в развитии мифа о высшем покровительстве сверхъестественных сил, который по своим параметрам почти вплотную приближался к «официальной идеологии» практически всех государств древности – от Шумера до императорского Рима, включая элементы патримониального мифа о «государстве как воспитателе» (*Der Staat als Erzieher*), обстоятельно исследованного Э. Фроммом в начале 1930-х гг. Возникает новая ситуация, когда, по выражению французского социолога П. Бурдьё, «официальный представитель группы является ее субститутотом» [Бурдьё, 2005, с. 86]. В дальнейшем «в целях борьбы за монополию легитимного идеологического производства» вожди, превратившись в полновластных царей, будут опираться на замкнутые корпорации жрецов, представлявших собой своеобразный «корпус специализированных производителей религиозного дискурса и мифов» [Там же, с. 93].

1.2. Исторические формы государства: современные типологии и направления развития

Формирование ранних государств охватывает несколько тысячелетий. За этот период на Древнем Востоке и Европейском континенте сформировались две основные формы государства – древневосточная деспотия и античный полис, олицетворявшие собой диаметрально противоположные пути исторической эволюции. Современными исследователями был выявлен следующий знаменательный факт: если возникшая в Греции и Риме полисная государственность была явлением уникальным, то древневосточная деспотия может рассматриваться как универсальная историческая «матрица», поскольку аналогичные государственные формы в разное время, помимо Шумера, Аккада, Индии и Китая, появлялись не только в Европе (минойская цивилизация на Крите в период ее расцвета в XVI – первой половине XV в. до н. э. и крито-микенские государства XV–XIII вв. до н. э.), но и в Южной Америке (например, государство инков в XV в. накануне вторжения испанских завоевателей).

На Древнем Востоке раннее государство – это «многоступенчатая иерархическая политическая структура, основанная на клановых и внеклановых связях, знакомая со специализацией производственной и административной деятельности. Главные функции такого государства – централизованное управление крупным территориально-административным комплексом с этнически гетерогенным населением, расширение территории за счет военных захватов, обеспечение благосостояния общества и престижного потребления привилегированных верхов за счет ренты-налога с производителей, дани с зависимых соседей. Раннее государство хорошо знакомо с урбанизацией и монументальными сооружениями, осуществляемыми населением в счет общественных работ, которые, как и все отношения между верхами и низами, основаны на принципах реципрокности и редистрибуции, рассматриваются как закономерный обмен деятельностью и легитимизируются общепризнанной религиозно-идеологической доктриной» [Васильев, 1991, с. 75].

Обычно считалось, что основной путь формирования раннего государства проходит через трансформацию вожеств без каких-либо промежуточных и вариативных государственных форм. В последние годы некоторые исследователи такой подход объявили «однолинейным» и высказали предположение о том, что в различные эпохи можно выявить существенное количество безгосударственных обществ, не уступавших ранним государствам в территориальном и демографическом плане, превосходивших многие чифдом в отношении социокультурной и политической сложности, но не перешедших на государственную ступень существования (племена эдзев, арвернов и гелльветов до Цезаря, Исландия в XI в. н. э. и др.).

Российский историк Л. Е. Гринин, предлагая называть такие социальные образования *аналогами* раннего государства, открыто подверг сомнению принцип «безальтернативности» развития «постпримитивных» обществ [Grinin, 2007, p. 90]. Оценить эти гипотезы сложно, поскольку их создатели отвергают возможность возникновения разнообразных исторических ситуаций («тупиковый вариант развития», «перманентная стагнация», «внешнеполитические влияния» и др.). Трансформация догосударственных обществ в ту или иную разновидность раннего государства является магистральной, а потому, на наш взгляд, авторам альтернативных гипотез вряд ли удастся доказать, что на нее могли существенно влиять исторические аномалии и другие проявления «девиантного развития».

Особое внимание многих специалистов-востоковедов привлекало государство, получившее официальное название «Царства Шумера и Аккада». Основы этого государства были заложены основателем III династии Ура в конце III тысячелетия до н. э. царем Ур-Намму (2111–2094 гг.). Как отмечал И. М. Дьяконов, именно этот царь и его наследник Шульги (2093–

2046 гг.) «создали классическое, наиболее типичное древневосточное деспотическое и бюрократическое государство» [Дьяконов, 1983, с. 71].

В пределах царства, объединившего значительную часть Месопотамии, все храмовые и правительственные хозяйства были слиты в одно унифицированное государственное хозяйство. Все работники (илоты) назывались в нем *гурушами* – молодцами, а работницы – *нгеме*, т. е. просто рабынями. Земледельцы (численностью от полумиллиона до миллиона) были сведены в отряды, а ремесленники – в обширные мастерские. Работая от зари до зари, они получали скудный продовольственный паек и немного шерсти. Любой отряд, включая подростков, мог перебрасываться на другую работу и в другой город. Несмотря на дошедшую до наших дней гигантскую отчетность (около 100 тыс. документов), ведомости на постоянные выдачи пайка детям не сохранились. Вероятно, матери должны были сами их содержать. Но гуруши и нгеме семей, видимо, не имели, и рабочая сила пополнялась главным образом за счет захвата пленных. Иной раз угнанных людей, особенно женщин и детей, подолгу содержали в лагерях, где многие из них погибали. Квалифицированные ремесленники, административные служащие и воины тоже содержались на пайке, хотя и большем по сравнению с гурушами, с учетом необходимости кормить семью. Служебные наделы в пользование выдавались администрацией крайне неохотно.

Такая система управления требовала огромных сил для надзора и учета: все фиксировалось письменно, на каждом документе, будь это выдача двух голубей на кухню, стояли печати лица, ответственного за операцию, и контролера; отдельно велся учет рабочей силы и отдельно – выполненных норм; каждое поле делилось на полосы вдоль и поперек, один человек отвечал за контроль работы по поперечным полосам, другой – по продольным, таким образом осуществлялся взаимный контроль. Разовые документы сводились в годовые отчеты по отрядам, по городам и т. д.

Централизовано было не только государственное земледелие, но и скотоводство. Скот выращивался главным образом для жертв богам. Снабжение храмов жертвами проводилось по округам, на которые была разделена вся страна. Во главе их стояли чиновники – энси, которых по прихоти царской администрации перебрасывали с места на место. Положение энси было очень доходным, они имели много рабов, которые при срочных ирригационных работах использовались и в государственном хозяйстве. Традиционная для более ранних исторических периодов купля-продажа земли была запрещена. Общины с какими-то правами местного самоуправления продолжали существовать. В пределах прежних территориальных единиц – номов – народные собрания, по-видимому, бездействовали, хотя и сохранялся общинный суд как пережиток совета старейшин.

Созданное царями III династии Ура деспотическое государство, просуществовавшее около ста лет, опиралось на огромное количество чиновников – надсмотрщиков, писцов, начальников отрядов, начальников мастерских, управляющих. На чиновничьи должности, где было обеспечено пропитание, охотно шли разорившиеся общинники. Даже низшие по рангу бюрократы имели в своих хозяйствах частных патриархальных рабов, положение которых было лучше положения гурушей. Вместе с квалифицированными ремесленниками и жречеством чиновничья масса составляла главную опору деспотического режима, правители которого уделяли большое внимание созданию «официальной идеологии» на основе сведения в единую систему культа богов во главе с покровителем государственности – царем-богом Энлилем.

Все цари, начиная с Шульги, обожествлялись и причислялись к прочим богам. В сознание людей внедрялось учение о том, что люди были сотворены богами для того, чтобы люди кормили их жертвами и освободили от труда. Тогда же был создан и так называемый «царский список», содержащий учение о божественном происхождении «царственности», которая в первоначальные времена спустилась якобы с неба и с тех пор в неизменной последова-

тельности вечно пребывала на земле, переходя от династии к династии, пока не дошла до III династии Ура.

Историк И. М. Дьяконов специально подчеркивал в труде «Люди города Ура», что не следует «рассматривать нижнемесопотамский город III–II тысячелетий до н. э. в качестве некоего образца или эталона древневосточного города. Если он заслуживает внимания и интереса историка, то не потому, что дает возможность судить о Древнем Востоке “вообще”... а потому, что вавилонская культура оказала огромное влияние на последующие культуры Западной Азии, а через них – на культуру всего человечества» [Дьяконов, 1990, с. 9–10].

Политическая система, возникшая в Месопотамии в III тысячелетии до н. э., оказалась «базовой моделью» не только для всех восточных деспотий, независимо от уровня экономического развития и культурных влияний, но и для тоталитарных режимов XX в. Еще дальше в этом направлении пошли наследники Александра Македонского – македонские цари Египта из династии Птолемеев, создавшие на рубеже III–II вв. до н. э. командно-административную систему, в некоторых чертах напоминавшую и государство Ур-Намму, и экономическую систему, созданную в СССР Сталиным.

Политика египетских царей, воспитанных в традициях греческой культуры, была охарактеризована в книге «Экономическая история эллинистического Египта» русским историком М. Ростовцевым, эмигрировавшим в 1920-е гг. в США [Rostovtzeff, 1941]. Все плодородные земли в Египте принадлежали царской династии, создавшей огромную чиновничью пирамиду. Птолемеи монополизировали пивоварение, изготовление папирусов, добычу драгоценных металлов. Чиновники спускали крестьянам нормы посева, определяли участки, где необходимо сеять, изымали весь урожай, который поступал в государственную казну, а потом земледельцам выделяли зерно для очередного посева. На несколько десятилетий возникла видимость экономического расцвета, а затем начинается полный экономический крах. Прикрепленные к земле крестьяне бегут, разваливается ремесленное производство, начинается затяжной экономический кризис. Экономический крах птолемеевского Египта показал, что тотальное огосударствление экономики и складывающаяся на ее основе командно-административная система ведут к кризису независимо от того, идет ли речь о древних обществах или о современных.

Иная картина сложилась в Древней Греции, где развитие государственности имело дискретный характер, т. е. начиналось трижды, завершившись в VIII–V вв. до н. э. появлением уникальной полисной культуры. Слово «полис» имело в греческом языке три различных значения:

- 1) город;
- 2) государство;
- 3) гражданская община.

В сознании греков все эти три понятия, как правило, сливались в единое понятие города-государства. Своеобразие формирования заключалось в том, что он был связан с целой серией стихийных «экспериментов» (растягивавшихся иногда на целые столетия), завершившихся созданием гражданской общины с характерной для нее античной формой собственности и непосредственным участием большинства граждан в решении государственных дел.

Формирование полиса происходило крайне неравномерно. В сложившихся к началу «архаической эпохи» (VIII в. до н. э.) на развалинах микенской цивилизации раннегреческих полисах в условиях господства родовой аристократии и возникновения ростовщичества стала углубляться имущественная дифференциация, приведшая в Аттике к концу VII в. до н. э. к угрозе превращения некогда свободных земледельцев в зависимых людей. Но такое развитие было остановлено рядовыми общинниками – демосом. Это было возможно, поскольку при росте политического могущества греческая аристократия, представлявшая собой родо-племенную верхушку, еще не превратилась в полностью замкнутую, противостоящую демосу кор-

порацию. Она обладала ограниченным политическим опытом, так как после гибели микенской монархии весь курс политической грамоты и государственного строительства грекам пришлось осваивать практически заново.

В Греции линия создания бюрократического аппарата подавления, наподобие древневосточного, была сравнительно безболезненно (в исторических масштабах, конечно) прервана, восторжествовала тенденция *реставрации на новой основе норм жизни времен родового строя*. Власть перешла в руки народного собрания, т. е. гражданского коллектива, составлявшего основу гоэлитской фаланги – народного ополчения. Решающую роль сыграло распространение в странах Средиземноморского бассейна в I тыс. до н. э. железа, что укрепило в Греции семейные (оikosные) хозяйства как экономически, так и социально, значительно снизив стоимость вооружения воина-гоэлита. Осуществленная «революция под флагом реставрации» способствовала созданию долговременных в исторической перспективе предпосылок «античного пути развития», в ходе которого полис приобрел черты, коренным образом отличавшие его от городов Ближнего Востока.

Экономические изменения, вызванные распространением же лезных орудий, оказали революционизирующее воздействие на всю совокупность общественных отношений, дав толчок развитию частной собственности и рабского труда. Античные источники рисуют картину государственных мер, направленных на регулирование социально-экономических отношений внутри полиса. Это и солоновская сейсахтея (отмена долговых обязательств), и приписываемая Ликургу уравнительная земельная реформа в Спарте, систематические запреты и ограничения на продажу и покупку земли, регулярно устанавливаемые налоги на состоятельных граждан (в виде литургий или прямых конфискаций), законы против роскоши, бесплатная раздача зерна малоимущим, наделение земель за счет государства, введение платы за исполнение магистратур (вплоть до выдачи денег за посещение народного собрания в Афинах IV в. до н. э.), регулирование численности населения путем выведения колоний и т. д.

Экспансионистская внешняя политика, порабощение соседних полисов, завоевательные экспедиции с целью приобретения рабов дополняли меры, предпринимаемые общиной для поддержания внутри нее относительного имущественного равенства, без которого была немыслима политическая активность граждан.

Все указанные выше черты общественного развития, способствовавшие укреплению рабовладельческой демократии, создали экономические и социально-политические предпосылки для необычайного культурного расцвета. Решающее значение имел огромный прогресс политических и личных свобод по сравнению как со всеобъемлющей системой не допускающих отклонения от установленных норм мелочных предписаний, регулирующих жизнь примитивных обществ дописменной эпохи, так и бюрократической регламентации, характерной для государств Древнего Востока. Повсеместное применение рабского труда давало гражданам необходимый досуг для активного участия в решении государственных дел и открывало возможности для реализации интеллектуальных потребностей в различных сферах культуры. Последнему немало способствовали отсутствие в Древней Греции жречества как особой корпорации, обладающей монополией на «производство идей», относительно слабая роль традиционных религиозных представлений в регулировании повседневного поведения.

Широкое развитие политических и культурных контактов между полисами, а также между греками и другими древними народами, достигшими высокого уровня цивилизации, расширяло кругозор, вырабатывая активное отношение к жизни, предприимчивость, склонность к восприятию полезных изобретений и новшеств.

В древнем мире сформировались типологически различные политические институты и формы государственности, от которых ведут происхождение практически все современные государства. Сравнительный анализ европейского пути развития, инициированного полисной культурой, с традицией, заложенный ранними азиатскими деспотическими государствами,

требует выявить логику эволюции государственности. Две такие типологии разработаны на рубеже XX–XXI вв.

Первая типология, разработанная в книге Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста «Насилие и социальные порядки», выделяет две основные модели социальных порядков – *естественное государство* и *общество открытого доступа*, в рамках которых в многообразных обществах в различные исторические эпохи функционируют политические институты, структурирующие отношения людей и их организаций в процессе создания политической, экономической, религиозной и военной власти [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 40].

Обе модели были порождены двумя великими революциями – «неолитической, сельскохозяйственной, урбанистической, или первой экономической», и «второй социальной революцией» – промышленной и современной. В ходе первой революции произошел переход от *примитивного порядка* малых социальных групп охотников и собирателей к *порядку ограниченного доступа*, или естественному государству, решившему проблему насилия путем создания господствующей коалиции, ограничившей доступ к ценным ресурсам – земле, труду и капиталу, над «такими ценными видами деятельности, как торговля, религия и образование, – предоставляя его только элитам» [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 40]. Естественное государство «естественно, поскольку на протяжении почти всех последних десяти тысяч лет для общества, состоящего более чем из нескольких сотен человек, оно фактически стало единственной формой устройства, которое в состоянии обеспечивать материальный порядок и управлять насилием. Естественные государства включают широкое разнообразие обществ, но мы далеки от того, чтобы предположить, что все они одинаковы. Месопотамия III тысячелетия до н. э., Британия при Тюдорах и современная Россия при Путине – естественные государства, но общества в них очень разные» [Там же, с. 82–84].

В современном мире естественное государство *является нормой*, поскольку сегодня 85 % его населения живут в порядках ограниченного доступа; «лишь 25 стран и 15 % населения всего земного шара живут сегодня в обществах открытого доступа» [Там же, с. 55–56, 33]. Его отличительными характеристиками являются: 1) верховенство права для элит; 2) постоянно существующие формы общественных и частных организаций, включая само государство; 3) консолидированный политический контроль над вооруженными силами. В порядках открытого доступа «большие экономические организации концентрируются... на рынках и затрагивают политику лишь по касательной... В естественных государствах все крупные экономические организации являются политическими» [Там же, с. 76, 445].

Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст не упоминают в концептуальном плане ни об одном из предшественников за исключением Томаса Гоббса и его концепции «естественного состояния», однако трудно отказаться от мысли, что такие предшественники, безусловно, имеются. К ним относится К. Маркс, обстоятельно разработавший концепции двух общественно-экономических формаций (архаической первичной и вторичной, уже знакомой с социальными антагонизмами), двух структур и двух путей развития: европейского пути с его чередованием структурных модификаций – античной, феодальной, капиталистической – и пути, олицетворяемого Востоком, существенными характеристиками которого являются «поголовное рабство» и полное поглощение личности коллективом, где отсутствие частной собственности – «ключ к восточному небу», отдельный человек «никогда не становится собственником, а является только владельцем», потому что он «раб того, в ком олицетворено единое начало общины» [Маркс, Энгельс, т. 46, ч. 1, с. 485, 482; т. 28, с. 215, 221].

Другим предшественником типологии Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста является К. Поппер, развивший в работе «Открытое общество и его враги» концепцию и понятие «открытого общества» [Поппер, 1992], введенного в научный оборот А. Бергсоном для описания социальной организации, противоположной сообществу, «едва вышедшему из лона природы», в котором господствуют примитивные религиозные верования [Там же, с. 251]. В отли-

чие от «закрытого общества» со свойственной ему «верой в существование магических табу», в открытом обществе «люди (в значительной степени) научились критически относиться к табу и основывать свои решения на совместном обсуждении и возможностях собственного интеллекта» [Там же]. У К. Поппера в политическом плане такому типу общественной организации и сознания соответствует современная либеральная демократия.

Наиболее яркой стороной аргументации авторов книги «Насилие и социальные порядки» являются два тезиса. Первый включает попытку опровержения разработанной М. Вебером и его многочисленными последователями концепции государства как организации, с успехом претендующей на монополию легитимного насилия в пределах собственной территории. По мнению американских ученых, такой монополией обладают только порядки открытого доступа, в то время как в большинстве естественных государств, организованных «на основе сетей патрон-клиентских отношений», где «власть, насилие и принуждение коренятся в господствующей коалиции», «доступ к средствам насилия рассеян среди элиты» и «дисперсия контроля над насилием», что является наиболее характерной чертой коалиционной структуры [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011, с. 69; см. также: с. 82–83, 269–270, 446–447].

Наибольшего внимания заслуживает тезис, отрицающий какой-либо прогресс в динамике эволюции государственности (за исключением двух прогрессивных революционных сдвигов, в результате которых возникли обе инновационные для своего времени государственные структуры). «Динамика социального порядка – это динамика социальных изменений, а не прогресса... Прогресс от менее сложных структур к более сложным не подразумевает никакой телеологии, так как ничто не толкает общества к созданию более сложных организаций; многие общества движутся как вперед, так и назад» [Там же, с. 55, 447]. Именно по этой причине институты, возникшие на Западе, не могут быть пересажены или напрямую использованы государствами, находящимися за пределами западного мира.

Но если большинство государств, находящихся за пределами стран золотого миллиарда, обречены на медленную стагнацию, прозябание или неудачные реформы, то как далеко вперед или назад будет двигаться сам Запад, неперменным и нормативным условием существования которого является как раз «бессрочное существование государства как самой важной организации элиты» [Там же, с. 268]? На этот вопрос пессимистично настроенные американские ученые дать ответ не решаются, хотя исторический опыт предоставляет для этого немало конкретных фактов и примеров и к тому же имеется более чем достаточно попыток их теоретической интерпретации. Так, пример внезапной тоталитарной трансформации социальных порядков в Германии в первой половине XX в. дал полное основание французскому философу К. Лефору характеризовать европейский тоталитаризм как попытку «снова в фантастическо-исторической форме восстановить порядок первобытного общества в рамках общества современного» [Цит. по: Caillé, 1993, p. 57]. Что касается современных западных демократий, по замечанию итальянского политолога Дж. Сартори, «неожиданный элемент тотального господства в наше время состоит в том, что оно может быть наложено не только на общества с традиционно деспотическим правлением (такие как Россия и Китай), но также на общества, выросшие из христианской, либеральной и либерально-демократической традиции и вышедшие из нее» [Sartori, 1987, p. 194].

В древности многие общества с традиционно деспотическим правлением порой демонстрировали в области религии, культуры и политики такую степень толерантности, которой современные западные общества достигли только после Второй мировой войны. «Важная особенность древних религий заключалась в том, что они не были догматическими и нетерпимыми по отношению к верованиям других народов... Представители различных народов жили бок о бок, вступали в деловые отношения друг с другом и заключали смешанные браки. Древности было чуждо враждебное отношение к обычаям, традициям и культуре соседних и дальних народов... Для Древнего Востока была характерна полная свобода вероисповедания, при-

чиной которой были не политические мотивы, а отсутствие понятия о ложной вере, каких-либо формах ереси... В силу указанных причин Древний Восток в отличие от более поздних периодов не знал крестовых походов с целью распространения какой-либо религии» [Дандамаев, 1989, с. 9, 11].

Появившиеся на рубеже XX – XXI вв. различные версии концепции «постдемократии», если рассматривать их в соответствии с логикой теории Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста, знаменуют перспективу «попятного движения» стран с социальными порядками открытого доступа к различным ступеням естественного государства. Под постдемократией, как отмечает британский политолог К. Крауч в одноименной работе, понимается «система, в которой политики все сильнее замыкались в своем собственном мире, поддерживая связь с обществом при помощи манипулятивных техник, основанных на рекламе и маркетинговых исследованиях, в то время как все формы, характерные для здоровых демократий, казалось, остаются на своем месте... Я не утверждал, что мы, жители сложившихся демократий и богатых постиндустриальных экономик Западной Европы и США, уже вступили в состояние постдемократии. Наши политические системы все еще способны порождать массовые движения, которые, опровергая красивые планы партийных стратегов и медиаконсультантов, тормозят политический класс и привлекают его внимание к своим проблемам. Феминистское и экологическое движения служат главными свидетельствами наличия такой способности. Я пытался предупредить, что, если не появится других групп, способных вдохнуть в систему новую жизнь и породить автономную массовую политику, мы придем к постдемократии... Постиндустриальные общества продолжают пользоваться всеми плодами индустриального производства; просто их экономическая энергия и инновации направлены теперь не на промышленные продукты, а на другие виды деятельности... Постдемократические общества... будут сохранять все черты демократии: свободные выборы, конкурентные партии, свободные публичные дебаты, права человека, определенную прозрачность в деятельности государства. Но энергия и жизненная сила политики вернутся... к немногочисленной элите и состоятельным группам, концентрирующимся вокруг властных центров и стремящимся получить от них привилегии» [Крауч, 2010, с. 7–9].

Типология израильского историка М. ван Кревельда, изложенная в работе «Расцвет и упадок государства», основана на том, что: а) за небольшими исключениями он считает возможным игнорировать большинство появившихся в прошлом столетии теоретических разработок, связанных с определением понятия «государство» и характеристикой его многообразных форм; б) отождествляя понятия «государство» и «современное государство», он с огромной легкостью лишает государственного статуса практически все политические институты, возникшие и просуществовавшие до XVII в. «Государство – это абстрактная сущность, которую нельзя увидеть, услышать или потрогать. Эта сущность не идентична правителям или подданным... Иными словами, государство, будучи отделено и от его членов, и от его правителей, является корпорацией, так же как *inter alia* ими являются университеты, профсоюзы и церкви... Государство, понимаемое таким образом, как и корпорация, частным случаем которой оно является, – это сравнительно недавнее изобретение. На протяжении большей части истории, и особенно доисторического периода, существовали правительства, но не государства... Упрощая и опуская множество промежуточных типов, эти образования можно разделить на следующие классы: 1) племена без правителей, 2) племена с правителями (вождества (*chiefdoms*)), 3) города-государства, империи (сильные и слабые)» [Кревельд, 2006, с. 11–12].

Осовременивая тысячелетний континуум эволюции государственности, Кревельд, как и его американские коллеги, допускает одно исключение: республиканский Рим, по его мнению, ближе подошел к тому, «чтобы быть “государством”, нежели остальные пре-современные политические образования» [Там же, с. 74]. Обращает внимание последовательное отнесение им имперских институтов к разряду *догосударственных*. Империи, возникшие в XVIII–XIX вв.,

даже официально носившие это наименование (Россия, Австро-Венгрия, Германский рейх, империя Наполеона и Британская империя), им попросту игнорируются.

Свои построения Кревельд завершает следующими пассажами: в Западной Европе, «где государство начало зарождаться около 1300 г. и где решающие изменения произошли между смертью Карла V в 1558 г. и заключением Вестфальского мира 90 лет спустя», небольшое число «абсолютных» монархов «сконцентрировали власть в своих руках». Одновременно «они начали строить обезличенную бюрократию». «Как только бюрократия укрепилась, в силу самой ее природы – состоящей в том, что правила, на которых она строилась, не могут быть произвольно нарушены без риска полного распада, что вскоре привела к тому, что она стала забирать власть из рук правителя в свои собственные, тем самым порождая государство в собственном смысле» [Кревельд, 2006, с. 509].

Допускаемая Кревельдом произвольная проекция некоторых элементов веберовской теории рациональной бюрократии на исторический процесс формирования государства в Западной Европе имеет два существенных изъяна. Во-первых, в своей конструкции он смешивает понятие «бюрократия» с понятием «правлящий класс», игнорируя общеизвестную истину, что с момента возникновения цивилизации во все времена корпоративный характер был свойствен почти всем элитным группам с неизбежной тенденцией формирования «теневой», или закулисной, власти. «Правящий класс, – отмечает В. Парето в работе «Компендиум по общей социологии», – имеется всегда, даже при деспоте. При абсолютизме высшим носителем власти выступает только суверен; при так называемых демократических формах... только парламент, но за кулисами стоят те, кто играют важную роль в реальном управлении. Если порой они и склоняют голову перед прихотями суверенов и парламентами, то потом они вновь возвращаются к своей упорной нескончаемой работе, добиваясь более значительных результатов. В некоторых случаях суверены и парламенты даже не ведают о том, кто и что побудило их к действию. Еще меньше замечает это суверенный народ, который верит, что действует по собственной воле, но следует при этом по воле тех, кто руководит ими» [Парето, 2008, с. 373].

Во-вторых, феномен «рациональной бюрократии» возник раньше, чем это представляется Кревельду. Понять это можно, если преодолеть предубеждение против понятия «раннее государство»; тогда легко увидеть, какую роль в формировании западноевропейской бюрократии играли формы бюрократической государственности и управления, сложившиеся в Древнем Китае. «Несомненная правда то, – писал американский историк Х. Г. Крил в труде «Становление государственной власти в Китае», – что “современная бюрократия” – явление в некоторых отношениях уникальное, но система управления в Китае уже в давние времена весьма напоминала нашу нынешнюю... В I в. до н. э. в Китае... управление осуществлялось централизованной и профессиональной бюрократией, в которой были представлены все слои общества... Чиновников в Китае отбирали на должности и повышали по службе, как правило, на основе таких объективных критериев, как государственные экзамены и заслуги. На Западе первый письменный экзамен для претендентов на государственные должности официально состоялся в Берлине в 1693 г., а практика систематической ежегодной аттестации чиновников утвердилась в Британии лишь после Первой мировой войны» [Крил, 2001, с. 15]. Возникавшие в Древнем Китае, Египте, Индии и Месопотамии государства для своих эпох вполне отвечали принципу «состоятельности», вокруг которого в науке ведутся весьма напряженные споры.

Научная дискуссия о проблемах генезиса и эволюции государственности является существенным элементом инициированного древними греками и развивавшегося несколько тысячелетий процесса восприятия западным миром достижений цивилизаций ранних государств Древнего Востока, который в конце XIX в. сменился процессом обратного воздействия капиталистического Запада на отставшие в экономическом развитии страны этого региона. Современное государство, возникшее в результате синтеза многообразных традиций, сохраняет

активную роль в мировом политическом процессе, несмотря на глобальные симптомы его трансформации в новые сложные иерархические управленческие структуры.

1.3. Динамика правовых систем и генезис правового государства

Классические определения права отводят центральное значение государственной санкции. Во многом благодаря появлению в XIX в. юридической антропологии был отвергнут постулат, согласно которому существует строгая идентификация права с государством. «Определять право через наказание означает то же самое, что определять здоровье через болезнь» [Рулан, 2000, с. 10]. Было подвергнуто сомнению и господство парадигмы линейного эволюционизма, согласно которому все общества в своем развитии проходят одинаковые стадии. Долгое время наука не уделяла внимания праву в «безгосударственных» обществах, поскольку считалось, что такие сообщества неспособны к восприятию правовых ценностей. Утвердилась идея о том, что между современными и традиционными обществами существует слишком большое различие, но юридическая антропология всегда призывала западных ученых-правоведов освободиться от этноцентризма теории и подходить к определению основных юридических понятий не догматично. История европейского права представляет собой историю эволюции обычного права традиционного общества к позитивному праву современного общества. Обычное право есть способ поддержания правопорядка без какого-либо участия государственного администрирования, где нормы имеют религиозно-этический характер.

После длительного периода существования обществ с родовым строем и примитивными правовыми нормами почти одновременно в различных регионах мира возникли более развитые правовые системы. Можно говорить о влиянии египетского и ближневосточного права на формирование европейского, хотя достаточных доказательств заимствования нет. С возникновением центральной государственной власти начался переход от примитивного объективизма к объективизму более высокоразвитому. Однако способность к абстрактному размышлению и систематизации правового порядка у этих культур отсутствовала. Правоведение возникло только в Риме и способствовало созданию высокоразвитой правовой культуры.

Римское право. История римского права античного периода насчитывает около тысячи лет. В период между появлением на ранней стадии Римской республики Законов двенадцати таблиц (451–450 гг. до н. э.) и кодексом Юстиниана (529–534 гг. н. э.) создавалась правовая система, повлиявшая на дальнейшее развитие европейского права [Покровский, 1998]. В обществах периода родового строя право носило казуистический характер, где спорные вопросы решались на основе разбора причин возникновения конфликта и выплаты штрафа. Такую систему иногда называют процессуальной, или обвинительной. В системе обвинения человек мог предъявить требования в судебном порядке лишь в том случае, если действующие правовые нормы содержат именно такую (точно описывающую данную конфликтную ситуацию) формулировку. Если в рамках правовых норм нет соответствующего описания деяния или конфликта, то суд оставляет такие дела без рассмотрения. Это главное отличие правовой системы от системы обвинения. Изначально в римском гражданском праве система обвинения была очень жесткой, поскольку стороны в судебном процессе были связаны необходимостью использовать ритуальные формулы процесса, предписанные законом. Малейшая неточность при воспроизведении формулы могла привести к проигрышу процесса.

Важным источником правообразования явились эдикты магистратов, в особенности преторов и курульных эдильов. При вступлении в должность каждый претор был обязан издать эдикт, который оглашался на собрании Римского форума. Эдикты представляли собой программу, на основании которой должностное лицо будет осуществлять свою деятельность в течение года (именно столько длились полномочия претора). Некоторые пункты эдиктов повторялись многократно в программах разных преторов и становились устойчивыми нормами. Изменение общественных отношений, в частности усилившаяся торговля с другими

италийскими и неиталийскими общинами, потребовало корректировки гражданского права (*juscivile*). Посредством своих эдиктов преторы и другие магистраты сообщали нормам более прогрессивный характер, отвечавший требованию исторического этапа. Эдикты преторов дополняли и исправляли гражданское право. Общей для всех правовой нормой было и *jus naturale* (естественное право).

Еще одним источником права была деятельность юристов, которые оказывали огромное влияние на судей и состояние правовой системы даже в период монархии. Римские юристы создавали правовые нормы, опираясь на практику, разрешая спорные вопросы, с которыми к ним приходили люди. Наиболее известными юристами республиканского периода являлись: Секст Элий Пэт Кат, Марк Манилий, Юний Брут, Публий Муций Сцевола, Аквиллий Галл, Марк Туллий Цицерон. Знаменитыми юристами начала классического периода были Лебон и Капитон. В классический период большое влияние на становление права оказывали Гай, Папиниан, Ульпиан, Юлиан, Павел.

В императорский период возникла необходимость в кодификации нормативного материала. Первая официальная кодификация произошла при Феодосии в первой половине V в. После разделения Римской империи на две части в V в. римское право продолжало оказывать значительное влияние на правовые системы Вестготского, Остготского и Бургундского королевств. Наиболее значимой была кодификация, проведенная при Юстиниане в первой половине VI в. Императорские законы и сочинения классиков были собраны и приведены в соответствие с потребностями эпохи.

Влияние римского права было значительным и в период образования на бывших территориях Западного Рима германских государств. На момент освоения римских территорий германское право представляло собой право родового общества. Поэтому в текстах германских законов, помимо влияния римского права, отчетливо прослеживаются особенности германского материального права. Определяющей особенностью рассматриваемого периода является отсутствие тотальности политической власти по сравнению как с предшествовавшим периодом господства Рима, так и с периодом последующим, а именно с усилением роли государства в период позднего Средневековья. Имеются исторические свидетельства, повествующие о князьях, которые правили тиранически, но подобное правление было совсем иного рода, нежели политические амбиции правителей Нового времени.

Отсутствие объединяющей политической власти складывается новая форма социальных отношений, называемая феодальным строем. Земли феодалов и их вассалов были независимыми от влияния королевской власти. Фактически землевладельцы-феодалы были и военными начальниками для своих вассалов, управляли административным аппаратом в границах своего лена и вершили суд над подданными в своих владениях. Так появилось феодальное ленное право. От государственных центральных органов могли исходить лишь некоторые специальные правовые предписания, касающиеся особо важных дел. Помимо римского права и феодального ленного в Средние века существовало право каноническое, которое сильно влияло на общественную жизнь европейских стран. Большое значение уделялось развитию римского права завещания в соответствии с церковными интересами.

В рассматриваемый период сосуществовали феодальное ленное право и каноническое, выражавшие потребности двух социальных систем. Юридическая техника римского права использовалась в обеих правовых системах в соответствии с насущными потребностями социальных групп, формировавших правовые нормы. Сложность законодательства в Средние века не исчерпывается описанными выше формами права. Широкое распространение получило городское право, уровень развития которого зависел от уровня социально-экономического развития конкретного города. Крупные торговые города разрешали маленьким городам пользоваться их законами (город Любек имел около 100 городов, использовавших его право; Марбург распространял свое правовое влияние на многие города Средней Германии). Правовые нормы

различались в зависимости от местности применения нормы или социальной группы, которая эти нормы практиковала.

В эпоху Возрождения такая форма правосознания перестала быть определяющей. Философия Декарта, Спинозы, рефлексии в области естественного права способствовали развитию этого процесса. В этот период начинает складываться пенитенциарная система. Например, в Англии этот процесс начинается в XII в. как следствие централизаторской политики Генриха II и проведенной им судебной реформы. Впервые были учреждены центральные официальные суды, действовавшие под властью короля. Ранее суд вершился на основании местных обычаев под председательством шерифов и вице-графов. В XII в. появляются тюрьмы, которые становятся важнейшим институтом пенитенциарной системы в средневековой Англии.

Философия Просвещения и рационалистическая теория естественного права вызвали революционные изменения в развитии права. Философы и ученые настаивали на отделении религии от гражданского порядка и права, которое должно быть основано на постигнутой лишь разумом справедливости. Впоследствии рационалистическое учение об естественном праве стало ключевым для трансформации общественных институтов. Решающее значение имели работы Христиана Томазия, философа и юриста, создавшего «секуляризованное» учение о естественном праве. На протяжении XVI–XVII вв. королевская власть одержала победу над феодальной системой общественных отношений, но под влиянием идей Просвещения она теряла свое могущество. Достаточно вспомнить трактат Монтескье «О духе законов» 1748 г., где обосновывается необходимость установления конституционной монархии.

В XVIII в. начинается так называемая эпоха кодификаций. Философские идеалы Просвещения стали источником твердой веры в возможность создания совершенного законодательства с помощью рационального метода и на основании анализа естественного права. Основы новой теории просвещенной монархии разработал правовед и философ Х. Вольф. Эти законы не основаны на представлении о единстве правового субъекта. Напротив, текст закона предусматривает существование различных групп правовых субъектов и предписывает им соответствующий набор прав. Кодификации этого периода традиционно выделяли три группы субъектов права: знатные, буржуа и крестьяне. Отсутствие положения о единстве субъекта права согласовывалось с характерным способом рецепции идей просвещения. Идея осуществления народного благоденствия требовала установления грандиозной системы регламентирования.

Вопрос отношения власти, закона и индивида имеет свою предысторию еще в античной и средневековой философии. В античной философии главенство разума и закона рассматривалось как необходимая основа справедливого политического устройства. В средневековой философии и практике политической жизни власть понималась как часть трансцендентного и служащего ее основанием порядка. На смену средневековым представлениям приходит идея суверенитета как абсолютной власти короля. Воодушевленные идеями Руссо, французские революционеры утвердили в Декларации прав человека и гражданина новое понятие суверена: суверенитет принадлежит более не просвещенному монарху, но коллективному телу нации. Взгляд философов революционного периода на природу суверенитета был весьма оптимистичным. Согласно их воззрениям, суверенитет, будучи воплощенным в теле нации, не является угрозой, напротив, только так могут быть гарантированы индивидуальные права и предотвращена возможная деградация политических институтов. Практика революционного процесса быстро актуализировала проблему трансформации республиканских институтов в направлении установления деспотического режима.

Опыт революции был не единственным способом разрешения проблемы отношения власти и права. Политические и социальные институты Англии служили источником вдохновения для философов и правоведов Западной Европы. Тип конституционной монархии Англии представлял собой умеренный вариант идеала Просвещения. Индивидуальная свобода, которая понимается как удовлетворение частных интересов в рамках рациональных отношений

собственности и контракта, является естественной основой порядка, существующего независимо от вмешательства суверена, легитимность власти которого основана на функциональной связи с обществом. Подобное решение было обосновано в работах Дж. Локка, Д. Юма, Ф. Хатчесона, А. Смита и У. Блэкстона. В отличие от французских просветителей работы этих философов не включали элементов утопии, а были результатом исследования и обобщения предшествующего развития истории Англии.

Еще одной «моделью» можно считать опыт практического и теоретического создания правового государства в Северной Америке. Теоретические постулаты идеологов Американской революции являются развитием английской философии общего права. После этих событий предыстория понятия «правовое государство» заканчивается.

В новоевропейской политической философии можно выделить две основные традиции анализа феномена правового государства: концепция «господства права» (*rule of law*), разрабатываемая в англо-американской либеральной философии, и концепция правового государства, доминирующая в юридической науке континентальной Европы, основанная на рационалистической этике И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля. Само выражение «правовое государство» (*Rechts staat*) является немецким, в английском языке ему соответствует понятие «господство права» (*rule of law*). Термин «правовое государство» начинает использоваться в начале XIX в. сначала в Германии (благодаря трудам К. Т. Волькера, Р. Моля), а потом повсеместно получает широкое распространение.

Концепция «господства права» разрабатывалась в рамках либеральной традиции и была выражением специфических политических и культурно-исторических условий исторического развития Англии. Рационалистическая доктрина естественного права не получила распространения в англо-американской правовой мысли. Англо-американское общее право имеет ряд существенных отличий от континентального права. Общее право не знало влияния римского права и кодификационных техник. В Средние века обычное право Англии было дополнено системой права справедливости и развивалось, не будучи дополненным законодательством.

В отличие от немецкого государства как источника законности в либеральной традиции сформировался идеал приоритета частных прав и ограниченного государства. Единственным теоретиком рационалистической концепции естественного права в Англии был И. Бентам. В Англии его теория не была принята, в то время как республиканская Франция присвоила ему звание почетного гражданина. Бентам выступал за рациональную кодификацию, подвергая резкой критике бессистемность английского общего права. Идеалы рационалистической механицистской философии не имели успеха среди интеллектуальной элиты Англии. Хорошо иллюстрирует этот факт то, что работа английского юриста XVIII в. У. Блэкстона «Комментарии к законам Англии» (1765–1766 гг.) направлена против теории Х. Вольфа. Характеризуя правовую систему Англии, Блэкстон пишет, что основной частью общего права является обычай, а судебные решения являются свидетельством существования и действенности обычая. Система прецедентного права означает, что при рассмотрении дела судьи должны обращаться к решениям, принятым ранее. Только так правосудие может быть единообразным и стабильным.

Основы современного понимания концепции «господства права» заложил английский правовед А. В. Дайси. Господство права есть особая характеристика английской конституции. В работе «Основы государственного права в Англии. Введение в изучение английской Конституции» Дайси выделяет три значения термина «господство права». Во-первых, этот термин означает отсутствие правительственного произвола: «Этим термином мы выражаем прежде всего ту мысль, что никто не может быть наказан и поплатиться лично или своим состоянием иначе, как за определенное нарушение закона, доказанное обычным законным способом перед обыкновенными судами страны» [Дайси, 1905, с. 209]. В континентальных странах, не унаследовавших английских традиций, наблюдается произвол исполнительной власти. После своего посещения Англии Вольтер говорил, что это – страна, где подчиняются законам, а не капризам.

Во-вторых, «говоря о “господстве права” как о характерной особенности нашей страны, мы выражаем не только то, что у нас нет никого, кто был бы выше закона, но и нечто совершенно иное – именно, что у нас всякий человек, каково бы ни было его звание и положение, подчиняется обыкновенным законам государства и подлежит юрисдикции обыкновенных судов» [Там же, с. 216]. Всякое лицо – от министра до сборщика податей – подлежит ответственности за проступок, как и всякий гражданин.

В-третьих, значение термина «господство права» предполагает, что «общие принципы конституции, как, например, право свободы личности или право публичных собраний (митингов) являются у нас результатом судебных решений, определяющих права частных лиц, представляемых на решение судов; между тем по многим из иностранных конституций обеспечение прав частных лиц (каково бы оно ни было) зависит, как кажется, от общих принципов конституции» [Там же, с. 219].

В странах общего права гарантией соблюдения принципов верховенства права является деятельность судов. Право парламента по установлению общих норм ограничивается правом суда определить значение и верное применение нормы. Суды ограничены следующими требованиями: равенство и применимость к неопределенному кругу лиц.

В XX в. концепции «господства права» разрабатывали О. Диксон, Л. Фуллер, Р. Дворкин, Дж. Холл, Дж. Финнис, Дж. Ролз, Т. Аллан, Дж. Маршалл и др. В странах общего права взгляд на содержание конституционного права ограничивается не только рассмотрением конституционных норм и конституционных принципов, которые обеспечены санкцией. Конституционное право состоит прежде всего из обычаев, принципов и норм, которые относятся к сфере нравственного принуждения.

Подобного понимания основ конституционного строя придерживаются суды Великобритании, где «конституция не учреждена, но выросла». Дж. Ст. Милль считал, что политические учреждения являются произведениями людей и полностью обязаны их воле. Принципы традиции верховенства права в странах общего права позволяют говорить о том, что в ней не имеет места позитивистский подход, который отрицает связь права и морали. В англо-американской либеральной традиции эта связь осознается как фундаментальная для права вообще.

В странах континентальной Европы основы теории правового государства были заложены в рационалистической моральной философии И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля. Важнейшим следствием гносеологии и этики Канта стало то, что в основу правовой теории было положено учение о морали и долге. В работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» Кант писал, что целью человечества является достижение всеобщего правового гражданского общества. Положительное право (источником которого является воля законодателя, а основанием – принуждение) должно соответствовать естественному праву [Кант, 1965].

Правовым является государство, в котором соблюдаются естественные права и не пренебрегают свободой, равенством и независимостью отдельных индивидов. Организация государственной власти должна строиться на принципе разделения властей, а лучшая форма государства – республика, поскольку в ней сочетаются закон, свобода и принуждение. «Проблема создания государства, – отмечает Кант в сочинении «К вечному миру», – разрешима, как бы шокирующе это ни звучало, даже для дьяволов (если только они обладают рассудком). Она состоит в следующем: так расположить некое число разумных существ, которые в совокупности нуждаются для поддержания жизни в общих законах, но каждое из которых втайне хочет уклониться от них; так организовать их устройство, чтобы, несмотря на столкновение их личных устремлений, последние настолько парализовали друг друга, чтобы в публичном поведении людей результат был таким, как если бы они не имели подобных злых устремлений» [Кант, 2006, с. 458].

Принудительное подчинение закону посредством санкции способно создать правовое по форме государство. «Законодательство, которое делает поступок долгом, – утверждал Кант, –

является этическим; законодательство, которое допускает иной мотив – юридическое. Мотив, отличный от идеи долга, заимствуется от патологических определяющих оснований произвола склонностей и антипатий, а среди них – от определяющих оснований последнего рода, потому что законодательство должно принуждать, а не быть привлекательной приманкой» [Там же, с. 126]. В отношениях между государствами правовому по форме общению способствует сила денег. Дух торговли рано или поздно овладевает всеми государствами, желание этот интерес реализовать вынуждает государства к установлению доброжелательных отношений.

Особенностью немецкой правовой философии является государственно-моральный эссенциализм, где именно государство понимается как источник установления господства права. Для англо-американской традиции «господства права» определяющим является не метафизическое учение о сущности государства, а конкретный исторический подход. Отсюда различное понимание источников права. В немецкой традиции право носит императивный характер и гарантируется государством. В англо-американской традиции большее значение придается сфере автономии индивида, которая недоступна влиянию государства. Источником права считается обычай, установившийся в практике взаимодействия индивидов.

1.4. От «религиозного государства» к секуляризированным политическим институтам: исторические дилеммы модерна

В работе «Политическая теология» К. Шмитт замечает: «Все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризированные теологические понятия. Не только по своему историческому развитию, ибо они были перенесены из теологии на учение о государстве, причем, например, всемогущий Бог становится всевластным законодателем, но и в их систематической структуре» [Шмитт, 2000, с. 57]. Это справедливо не только для концептуального измерения политики, но и для институционального. Современные демократические институты являются продуктом длительного процесса секуляризации «религиозного государства».

Под *религиозным государством* здесь понимаются европейские средневековые монархии, существовавшие в условиях двухполюсной модели общества, с характерными религиозными механизмами легитимации политической власти. Символическая практика миропомзания, получившая широкое распространение в IX в., ставила государя превыше людей, власть монарха приобретала священный характер. Однако священнослужитель, совершавший помазание короля или императора от имени Бога, в данном символическом акте оказывался превыше монарха. В этом состоит одно из главных противоречий, в значительной степени определяющих ход европейской истории вплоть до Реформации, когда государство утрачивает свой сакральный смысл.

Двухполюсная модель общества, сложившаяся в средневековой Европе в результате автономного развития государства и церкви, не знает аналогов в мировой истории. Два конкурирующих между собой института, в равной степени претендующих на абсолютную лояльность подданных, для убедительного обоснования своих притязаний были вынуждены прибегать к рациональной аргументации. Рационализация политической дискуссии, в которую была вовлечена значительная часть европейской интеллектуальной элиты, выступающей в качестве апологетов государства или церкви, имела важные последствия как для развития политической теории, так и для становления современных демократических институтов.

Предметом дискуссий становились общественное благо и методы его достижения, приемлемые формы взаимоотношений светской и духовной власти и границы их компетенции, роль суверена и надлежащее поведение подданных, например, в случае, если монарх оказывался тираном. Следует согласиться с историком Г. Кенигсбергером, усматривающим в конфликте государства и церкви истоки принципов современной демократии и правового государства. «Инициаторы средневековых споров, – отмечает он, – добились главного: они заложили фундаментальную и жизненно важную западноевропейскую традицию – традицию поиска правовой защиты от тирании. Эта традиция требовала, чтобы любая политическая власть опиралась не только на прецедент или силу, но и имела бы рациональное оправдание» [Кенигсбергер, 2001, с. 183].

Как и в определенные периоды истории Европы, в России церковь исторически поддерживала культурное и политическое единство обширных территорий. Русская православная церковь позаимствовала византийскую идею «*симфонии властей*», т. е. гармонического единства церкви и государства. Но «симфония» существовала лишь на идеальном уровне. В силу сложившихся политических и культурных традиций в России государство неизменно оказывалось более сильным партнером, и предполагаемая гармония на практике оборачивалась господством государства над церковью, признавшей власть князя над собой, – принцип, совершенно неприемлемый для римской церкви со времен «папской революции» XI в. Конфликт

лояльности и борьбы между церковью и государством, имевший огромное значение в истории Западной Европы, практически отсутствовал в России. Петр I церковной реформой, опираясь на протестантский опыт, окончательно утвердил главенство государства над церковью, которая «не есть иное государство», но должно «наравне с другими сословиями» подчиняться государственным законам.

Поскольку христианство в Римской империи добилось победы при непосредственной поддержке государства, церковь неизбежно должна была вовлечь его в религиозные споры, одновременно став активным участником сугубо политических дискуссий. К началу V в. церковь представляла собой достаточно организованный властный институт (епископы в Риме, Александрии и Антиохии были своего рода соправителями), но все же зависимый от государства.

Крушение Западной Римской империи имело далеко идущие последствия. Во-первых, был нанесен сокрушительный удар по идее римского государственного всемогущества. Римское единство окончательно перестает быть государственным. По мере того как на местах влияние императора слабело и его заменяли правители варварских государств, епископы нередко оказывались единственными представителями римской власти; церковь стала единственной наследницей *Pax Romana* и его *универсалистской идеи вселенского города*. Во-вторых, становится возможным фактически *автономное развитие католической церкви*, так как в тот момент нет достаточно влиятельной политической силы, способной подчинить себе церковь.

Независимое развитие церковной организации и христианской теологии привело к появлению идеи нового универсалистского сообщества, главой которого рассматривалась церковь. Концептуальное оформление эта идея получила в трактате Августина Блаженного «О Граде Божьем», ставшем социально-политической программой римского католицизма, сохранившей актуальность вплоть до понтификата Бонифация VIII. Римской государственной идее вселенского города Августин противопоставляет оригинальную идею всемирного Града Божия. В социально-политическом порядке церковь является вселенской, Божественной организацией, которая господствует над всеми, воплощает в себе идеал *universalis ordo*.

Государство, или Град Земной, согласно Августину, есть результат изначальной порочности человека и принадлежит миру зла. Государство, чуждое церкви, символизирующей справедливость, ничем не отличается от шайки разбойников. Когда «разбойничье общество» разрастается и приобретает территории, подобно Риму, оно становится государством, но с переменной названия сущность общежития не меняется. Августин дает следующее классическое определение народа, созвучное Цицероновскому: «Если это собрание не животной толпы, а существ разумных, и если оно объединено общностью любимых ими вещей, оно не без основания носит название народ. Народ будет, конечно, настолько лучше, насколько он единодушен в лучшем, и настолько хуже, насколько единодушен в худшем» [Блаженный Августин, 1998, с. 365]. Августин противопоставляет языческому царству не идеал нормального христианского государства, а лишь церковь – Град Божий как единственно возможный общественный союз. На земле Град Божий и царство земное «переплетены и смешаны между собой», так что определенных границ между тем и другим не существует. Церковь заменяет и упраздняет собой мирской союз, поглощая его атрибуты и функции, делегируя их при необходимости.

Главными проводниками универсалистской идеи Града Божьего в Средние века следует считать короля франков Карла Великого, основателей Священной Римской империи Оттонов и папу Григория VII. В первых двух случаях имел место взаимовыгодный политический союз, пусть и крайне недолговечный. Представители каролингской династии Пипин III и Карл Великий предоставили церкви контроль над Римом и Центральной Италией, а также защиту от внешних и внутренних врагов и, как следствие, возможность дальнейшего автономного развития. Церковь обеспечила легитимность смены правящей династии помазанием Пипина как короля, а затем провозгласила Карла императором. В качестве императора Карл потребовал

новой присяги, подчеркивая свое положение попечителя о благе народа и церкви, поставленного Богом.

Оттон позиционировал себя в качестве преемника Карла Великого и всячески старался укрепить франкские традиции власти, прагматично используя церковь, с одной стороны, для легитимации своих властных притязаний, с другой – для борьбы с центробежными тенденциями каролингского феодализма. Созданная Оттоном система «имперской церкви» предполагала духовную инвеституру – назначение высшего духовенства императором из числа доверенных лиц, а также принципиальное привлечение епископата к потребностям управления империей. Лояльные императору князья церкви наделялись светской властью, ранее принадлежавшей каролингским графам, противившимся возрастающему могуществу государства Оттона. Система имперской церкви обеспечивала контролируемую ротацию элит: поскольку высшее духовенство давало обет безбрачия, оно не могло сделать свои епископства наследственными.

К XI в. инвеститура светскими владыками была распространена по всей Европе. Духовенство фактически было включено в феодальную иерархию. И здесь содержится одно из главных противоречий феодализма – возникший кризис лояльности: перед епископами встала дилемма приоритета светского или церковного подчинения. Очевидно, что существование двух автономных центров власти, вооруженных универсалистской идеей и претендующих на абсолютную лояльность подданных, рано или поздно приводит к открытому конфликту.

Власть папства значительно укрепилась в середине XI в., когда соединились результаты параллельных процессов: реализация папской программы «свободы церкви», движение за монастырскую реформу и появление на папском престоле ряда амбициозных и дальновидных личностей. Позиция святого престола и клира, поддерживающего клюнийскую реформу, состояла в том, что «епископы поставлены Богом, они поставляют королей, но короли поставлять епископов не могут, но должны чтить их, ибо даже в преступном пастыре живет Дух Святой. Инвеститура тождественна с симонией, которая является тягчайшим заблуждением; государям может принадлежать лишь право согласия» [Карсавин, 2003, с. 143–144].

На Латеранском соборе 1059 г. был принят декрет об избрании пап коллегией кардиналов и предоставлении всему остальному клиру и миру лишь «права молчаливого согласия», устранена возможность вмешательства императора в избрание папы. Григорий VII пошел дальше и в *Dictatus papae*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.